

ное произошло, очевидно, и въ селѣ Апазовѣ, только не между раскольниками, а между магометанами. Мнимое отпаденіе отъ православія было здѣсь, повидимому, не чѣмъ другимъ, какъ нарушеніемъ безмолвнаго соглашенія, долго прикрывавшаго принадлежность нѣкоторыхъ крестьянъ къ магометанству. Кѣмъ было нарушено соглашеніе — обѣими ли сторонами, или только одною изъ нихъ, и какою именно — это вопросъ второстепенный; важно только то, что положеніе дѣлъ, продолжавшееся нѣсколько десятилѣтій, — а можетъ быть, и столѣтій, — получило характеръ новизны и вмѣстѣ съ тѣмъ уголовного преступленія. Въ основаніи апазовскаго процесса, какъ и многихъ другихъ, лежитъ неподвижность закона, непримиримая съ подвижностью и измѣнчивостью жизни. Въ глазахъ закона всякій, записанный православнымъ, есть православный на самомъ дѣлѣ; факты на каждомъ шагѣ говорятъ другое. За этотъ разладъ отдѣльныя лица расплачиваются иногда всей своей жизнью (изъ восьми апазовскихъ подсудимыхъ пятеро присуждено къ каторжной работѣ, трое къ ссылкѣ на поселеніе), общество и государство — развитіемъ лицемѣрія, увеличеніемъ числа фальшивыхъ, оболудострыхъ положеній.

Другой процессъ, рѣшенный недавно орловскимъ окружнымъ судомъ, любопытенъ какъ признакъ поступательнаго движенія штундизма. До сихъ поръ можно было думать, что ученіе штундистовъ не коснулось еще великороссійскихъ губерній. Извѣстія о немъ приходили только изъ мѣстъ, близкихъ къ его рожденію — изъ губерніи херсонской, кievской, полтавской. Оказывается, однако, что оно проникло уже въ трубчевскій уѣздъ орловской губерніи. Штундистами признали себя не только подсудимые, обвинившіеся въ распространеніи ереси, но и многіе свидѣтели, вызванные для изобличенія подсудимыхъ. Отсылаемъ читателя къ разсказу очевидца, въ газетѣ „Недѣля“ (№ 25), — что обвинительный приговоръ „произвелъ на подсудимыхъ необыкновенное впечатлѣніе; они искренно обрадовались“... Въ быстромъ распространеніи штундизма нельзя не видѣть признака времени. Онъ удовлетворяетъ, очевидно, потребности, существующей въ воображеніяхъ или сердцахъ — потребности, не ограничиваемой ни опредѣленною мѣстностью, ни племенемъ, ни сословіемъ, ни степенью образованія. Параллельно съ штундизмомъ, подвигающимся съ юга на сѣверъ въ средѣ крестьянъ, идетъ ученіе пашковцевъ или редстокистовъ, спускающееся съ сѣвера на югъ и захватывающее преимущественно высшіе общественные классы. Обѣ доктрины состоятъ въ связи, прямой или косвенной, съ религіозными теченіями на западѣ Европы. Исторія послѣдняго полу-столѣтія даетъ поводъ пред-